

ЧЕРНЫШЕВСКИЙ В «С.-ПЕТЕРБУРГСКИХ ВЕДОМОСТЯХ»

Сообщение В. Э. Богграда

2 ноября 1853 г. Чернышевский писал своему отцу: «Кое-что пишу для „Отечественных записок“ и „С.-Петербургских ведомостей“» (XIV, 248)*. 14 декабря он сообщал ему же: «Я, если б умел вести дела, как должно, мог бы играть главную роль если не в „Отечественных записках“, то в „Петербургских ведомостях“, а теперь играю роль довольно еще неважную» (XIV, 255). Эти указания с полной очевидностью свидетельствуют об участии Чернышевского в распространенной и весьма влиятельной столичной газете — «С.-Петербургские ведомости». Работы Чернышевского в этой газете до сих пор не были известны и не подвергались сколько-нибудь серьезному изучению. В собрания его сочинений не введена ни одна из статей, помещенных в этой газете.

Между тем, кроме свидетельств самого Чернышевского о его сотрудничестве в «С.-Петербургских ведомостях», существует прямое указание на принадлежность ему одной критической статьи в этой газете. Оно промелькнуло в периодической печати около семидесяти лет тому назад, но осталось незамеченным исследователями. Один только М. Н. Чернышевский, так много сделавший для выявления и издания произведений своего отца, обратил внимание на следующие строки некролога Чернышевскому, опубликованного на страницах «Русских ведомостей» 18 октября 1889 г.: «Первою статьею Н. Г. Чернышевского был разбор одной из повестей Писемского, напечатанный в „С.-Петербургских ведомостях“». М. Н. Чернышевский сделал себе пометку для памяти: «Какая была первая статья где помещена? В некрологе „Русских ведомостей“ упоминается, что первая статья — разбор одной из повестей Писемского, напечатанная в „С.-Петербургских ведомостях“ — о чем и когда именно» (ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 2, ед. хр. 199, л. 67). Наиболее осведомленным лицом в заинтересовавшем М. Н. Чернышевского вопросе был А. Н. Пыпин, к которому он и обратился за разъяснениями. Ответ Пыпина сохранился в записи М. Н. Чернышевского: «В. Первая статья, по словам А. Н. Пыпина, — о немецкой средневековой поэме Гудруне. Май — июль 53. По справкам в „С.-Петербургских ведомостях“, ничего такого не оказалось. М. Н. Чернышевский» (там же, л. 68).

В выпущенном М. Н. Чернышевским Полном собрании сочинений Н. Г. Чернышевского не находим ни одной из статей, помещенных в «С.-Петербургских ведомостях». Надо сказать, что и после завершения этого издания М. Н. Чернышевский не прекращал поисков статей в этой газете. Но розыски по-прежнему оставались безрезультатными, и он вы-

* В разделе «Чернышевский» все ссылки на его тексты даются по Полному собранию сочинений в 16-ти томах (М., Гослитиздат, 1939—1953) с указанием только томов (римскими цифрами) и страниц (арабскими).

нужден был признать: «В письмах 1853 г. упоминается о писании в „С.-Петербургских ведомостях“, но какие статьи и когда были помещены нигде никаких указаний нет» (там же, ед. хр. 212, л. 114).

Ознакомившись с «С.-Петербургскими ведомостями» за май — декабрь 1853 г., мы убедились, что действительно за этот период в них не напечатано статьи о Писемском и нет даже упоминания о Гудруне. Вместе с тем обнаруженная нами недавно часть черного автографа Чернышевского (ЦГАЛИ, ф. 1, оп. 1, ед. хр. 439, л. 1), в котором дан пересказ содержания Гудруны, подтверждает, что свидетельство Пыпина имело под собой реальную почву. Ведь в приведенных выше записях М. Н. Чернышевского, за разъяснением которых он обратился к Пыпину, сначала следовал вопрос: «Какая была первая статья?», а затем уже — «где помещена?». Следовательно, возможно, что первой печатной работой Чернышевского, действительно, была статья о Гудруне, но Пыпин за давностью времени ошибся в обозначении издания, в котором она была помещена, и она остается и поныне неизвестной*.

В бумагах писателя, хранящихся в ЦГАЛИ, наше внимание привлекли его черновые наброски, на первый взгляд незначительные, сделанные на оборотной стороне рукописей статей «Эстетические отношения искусства к действительности» и «Опыт словаря к Ипатьевской летописи». Тексты трех отрывков, из которых первый посвящен разбору романа М. И. Михайлова «Марья Ивановна», второй — произведению М. И. Воскресенского «Запрет на имя. Быль, очень похожая на сказку», третий — рассказу А. И. Корнилевского «Немка» (ф. 1, оп. 1, ед. хр. 432, л. 1 и ед. хр. 192, лл. 23 об. и 15 об.), полностью или частично совпадают с печатавшимися анонимно в «С.-Петербургских ведомостях» тремя обозрениями под заглавием «Русская журналистика». Первое обозрение было напечатано в № 249 от 10 ноября, два других — в №№ 272 и 273 от 8 и 9 декабря 1853 г., что совпадает по времени с упомянутыми выше свидетельствами Чернышевского в письмах к родным.

Приведем текст первого из набросков Чернышевского:

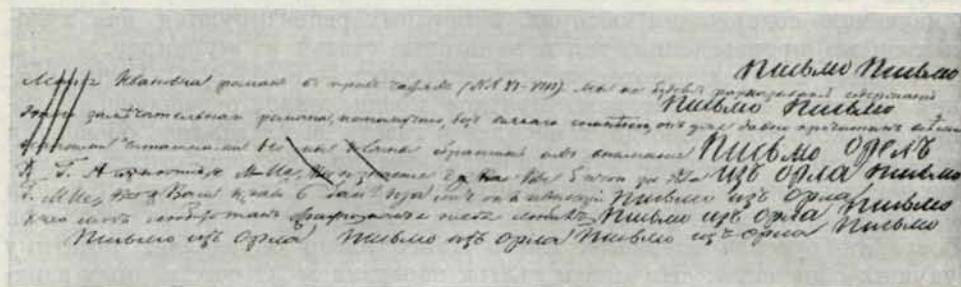
„Марья Ивановна“, роман в трех частях (№№ VI—VIII). Мы не будем рассказывать содержание этого замечательного романа, потому что, без всякого сомнения, он уже давно прочитан всеми нашими читателями. Но мы должны обратить их внимание». В № 249 «С.-Петербургских ведомостей» читаем: «„Марья Ивановна“, роман в трех частях (№№ VI—VIII). „Марья“, конечно, уже прочтена нашими читателями...»

Во втором наброске Чернышевский писал:

«... прекрасно потому, что не могу на вас жениться, — отвечает Петр Петрович. — Это почему? — Да потому, что у вас ни копейки,

* В возможности сотрудничества Чернышевского в каком-то неустановленном издании утвердил нас один малоизвестный факт его биографии. В предисловии к его книге о Лессинге, вышедшей в 1876 г. в Женеве, читаем: «Еще в 1854 или 1855 г. ему, как тогда малоизвестному литератору, предлагали быть редактором-реформатором „Петербургских ведомостей“, это предлагал бывший петербургский вице-губернатор, Н. М. Муравьев, сын вешателя» (Чернышевский и Лессинг. Его время, его жизнь и литературная деятельность. Суд над Чернышевским. Женева, 1876, стр. X). Если это сообщение и достоверно, то в него следует внести поправку. М. Н. Муравьев мог сделать такое предложение Чернышевскому лишь относительно неофициальной части «С.-Петербургских губернских ведомостей», которые он подписывал как должностное лицо (вице-губернатор), и ни в коем случае не могла идти речь о «С.-Петербургских ведомостях», так как они издавались Краевским и Очкиным и были частной газетой. Однако и в комплекте «С.-Петербургских губернских ведомостей» нет статьи о Гудруне. Поиски статьи о Гудруне оказались безрезультатными и в других, сходных по заглавию с «С.-Петербургскими ведомостями» газетах, например, в «С.-Петербургских полицейских ведомостях». Из всего этого следует, что, вероятнее всего, Чернышевский сотрудничал еще в каком-то забытом органе.

да у меня ни гроша. — Как так? вы богатый человек? — А вот как и вот как и если я женюсь на вас, лишусь 6000 р. сер. в год. — Так что же нам с вами делать? — спрашивает Лизавета Н. — А что делать? жениться, — отвечает Петр Петрович, — пропадай 6000 руб. сер. в год, проживем и без них. — А когда так, — отвечает девушка, — приходится уж верно сказать вам, в чем дело: деньги эти прислала вам я. Вы потеряли облигацию польской лотереи, я подняла ее, ваш номер выиграл 1 200 000 злотых, и я прислала вам проценты с этих денег, а не говорила вам об этом только для того, чтобы узнать, так ли вы меня любите, чтоб для меня отказаться от всего света. Охотники до дюмасовских романов прочтут с удовольствием сказку г. Воскресенского».

НАБРОСОК ПЕРВЫХ СТРОК РЕЦЕНЗИИ ЧЕРНЫШЕВСКОГО НА РОМАН
М. И. МИХАЙЛОВА «МАРЬЯ ИВАНОВНА»

Автограф

Рецензия напечатана анонимно в «С.-Петербургских ведомостях» от 10 ноября 1853 г.

Центральный архив литературы и искусства, Москва

Этот отрывок почти буквально совпадает со следующей частью обзора «Русская журналистика» из № 273 «С.-Петербургских ведомостей»: «Нет, вовсе не прекрасно, — говорит Петр Петрович. — Отчего же? — Оттого, что не могу жениться на вас. — Почему же? — Потому, что нам с вами нечего будет есть. — Да ведь вы богаты? — Нет, у меня не будет ни копейки, если я женюсь на вас. — Как так? — Да вот как, — и Петр Петрович рассказывает ей, в чем штука. — Что же нам делать? — спрашивает девушка. — Жениться на вас, — отвечает Петр Петрович, — пропадай мои 6000 руб. сер. в год: проживем как-нибудь и без них. — А когда так, — отвечает девушка, — то скажу вам, что деньги эти прислала вам я; вы потеряли облигацию польской лотереи; я подняла ее; ваша облигация выиграла 1 200 000 злотых, и я прислала вам проценты с этой суммы, а не говорила вам об этом выигрыше, желая узнать, так ли вы меня любите, чтоб для меня отказаться от богатства. — Охотники до дюмасовских романов с удовольствием прочтут сказку г. Воскресенского...».

Что же касается разбора Чернышевским рассказа Корнилевского «Немка», то сохранилась лишь черновая запись заглавия: «„Немка“, рассказ г. Корнилевского „Москвит“, соответствующая тексту из № 272 «С.-Петербургских ведомостей».

Как видим, рукописные черновые наброски Чернышевского почти полностью совпадают с аналогичным текстом, включенным в «Русскую журналистику» «С.-Петербургских ведомостей». В связи с тем, что каждое из обозрений «Русская журналистика» состоит из нескольких рецензий, а текст автографа Чернышевского частично совпадает лишь с одной, необходимо решить, был ли он автором и остальных. Вряд ли можно предположить, что Чернышевскому, хотя он был тогда и начинающим литера-

тором, в небольшом обзоре журналистики могла принадлежать лишь незначительная часть текста. Более вероятно, что ему поручали обзор полностью, и Чернышевский отбирал в рецензируемых журналах наиболее заинтересовавшие его произведения. Это явствует хотя бы из того, что сохранился перечеркнутый Чернышевским черновой набросок, в котором дан пересказ произведения А. Тулубьева «Перевоз» из № 10 «Отечественных записок» 1853 г., разбор которого отсутствует в интересующих нас обзорах журналистики, хотя первый из них специально посвящен №№ 6—10 «Отечественных записок» этого года. Из-за отсутствия еще каких-либо документальных данных вопрос о принадлежности перу Чернышевского всего текста упомянутых трех фельетонов окончательно решить можно лишь на основании их анализа. Поэтому обратимся к изучению содержания обзоров, в которых рецензируются как художественные произведения, так и некоторые статьи из журналов.

Первому из трех интересующих нас обзоров — в № 249 «С.-Петербургских ведомостей» предпослано краткое предисловие, освещающее причины, по которым около двух месяцев в газете не печатались обзоры журналистики. Объясняя это значительным количеством статей, помещенных «в нашем фельетоне за эти месяцы», рецензент замечает, что «при первой возможности „С.-Петербургские ведомости“ возобновляют свои обзоры русской журналистики». Далее автор определяет тематику будущих обзоров: «Начинаем статьи обзорением „Отечественных записок“ за летние и осенние месяцы; два другие фельетона будут посвящены обзорению за эти же месяцы „Современника“, „Москвитянина“, „Библиотеки для чтения“ и „Пантеона“». Не свидетельствует ли это, что «первой возможностью» возобновления обзоров журналистики явилось приглашение для этой работы Чернышевского, оговорившего заранее тематику будущих своих фельетонов?

Изучение содержания трех обзоров убеждает, что, вероятнее всего, они написаны одним лицом и что этим лицом был Чернышевский: взгляды последнего совпадают с мыслями рецензента «С.-Петербургских ведомостей», для которого основное достоинство произведений заключается в наличии общественно-значимой тематики, даже при недостаточной художественности. Так, например, привлекая внимание читателей к посредственному рассказу Корнилевского, обозреватель замечал: «Рассказ г. Корнилевского очень слаб в художественном отношении: можно даже найти довольно много страниц, написанных решительно дурно; особенно дурны те места, в которых автор вдается в лиризм или юмор à la Гоголь. Но серьезность содержания и гуманность основной идеи искупляет многие недостатки г. Корнилевского: в нем есть мысль, и этого довольно, чтобы дать ему право на нашу снисходительность».

Такой подход при оценке художественных произведений весьма характерен для Чернышевского. В статье по поводу романов и повестей М. В. Авдеева он писал, что можно «примириться скорее с недостатками формы, нежели с недостатком содержания, с отсутствием мысли» (II, 210).

Высказывание о романе Григоровича «Рыбаки» в анализируемом нами обзоре «С.-Петербургских ведомостей» близко по характеру к высказываниям о том же авторе Чернышевского в «Современнике» 1856 г. («Заметки о журналах» — III, 694—695).

Давая уничтожающую характеристику роману Е. Тур «Три поры жизни», Чернышевский подчеркивал как основной порок этого романа — отсутствие «вероятности в ходе событий» (II, 231). Примечательно в связи с этим замечание рецензента «С.-Петербургских ведомостей», что один из недостатков рассказа Кунацкого «Петр Иванович Короткоушкин» состоит «в невероятности не только в подробностях, но и в самом ходе событий».

В том же отзыве о рассказе Кунацкого «Петр Иванович Короткоушкин» читаем: «Сюжет был бы недурен, если бы ввязаться за него с большим знанием дела. Все лица бедны; картины провинциального быта и провинциальных отношений не верны действительности». По убеждению рецензента, этого не произошло бы, «если б автор был получше знаком с бытом людей, которых он описывает, и не впадал в ошибки против действительности». Знание жизни, верность действительности — требование Чернышевского, которое он не раз высказывал: «Каждый литератор с самостоятельным талантом берет сюжет для своих рассказов из того круга жизни, который интересует его и хорошо ему знаком» (III, 690).

Большое место в одном из обзоров уделено опубликованной на страницах «Библиотеки для чтения» первой части романа А. Я. Марченко (за подписью: Т. Ч.) «Умная женщина». Либеральная критика благожелательно отозвалась об этом романе. Например, рецензент «Отечественных записок» в декабрьской книжке журнала, называя его «одной из лучших повестей г-жи Т. Ч.», писал: «Сколько в этом рассказе нового, умного, занимательного». Диссонансом прозвучал отзыв рецензента «С.-Петербургских ведомостей», который проницательно отметил, что у автора, «кроме таланта писать ровно и гладко», «ничего не видно» и что «первая часть ее романа — какой-то непонятный, лишенный содержания хаос. Изложение же (или по классическому выражению „слог“) г-жи Т. Ч. хорошо». Такое отношение к роману А. Я. Марченко соответствует позднему суждению Чернышевского о нем же в статье «Об искренности в критике». Цитируя приведенный отзыв «Отечественных записок» о романе, где сказано было: «Мы пропустили в рассказе всю прежнюю жизнь холостяка и умной женщины, жизнь которой занимает, по крайней мере, три четверти романа», Чернышевский насмешливо заключает: «Хорош и занимателен должен быть роман, в котором, по крайней мере, три четверти не стоит читать» (II, 243). Заметим также, что рецензия «С.-Петербургских ведомостей» во многом близка к статье Чернышевского о «Трех порах жизни» Е. Тур. Близость эта сказывается не только в том, что в обеих рецензиях защищается содержательное реалистическое искусство, но и в самой манере их построения.

Несомненный интерес представляет оценка «Кто кого проучил» Е. П. Ростопчиной в третьем обзоре «С.-Петербургских ведомостей». По поводу этого произведения рецензент «Отечественных записок» в декабрьской книжке журнала писал: «Нам этот сюжет очень нравится, и хоть есть торопливость в развязке, хоть действующие лица говорят как-то очень странно, но вообще это одна из миленьких комедий».

«„Кто кого проучил“, — замечал обозреватель «С.-Петербургских ведомостей», — еще одна из тех драматических пословиц, которых так много пишется и в которых так мало содержания; главное достоинство, какое может быть в этих пословицах, — искусное ведение разговора таким образом, чтобы ничтожная интрига, задуманная действующими лицами от скуки и основанная на капризе, поддерживалась на двадцати страницах, хотя, собственно говоря, она должна бы разрешиться двумя словами». Это суждение полностью соответствует отношению Чернышевского к безыдейным, пустым произведениям.

В ряде случаев кажется, что, говоря о некоторых из рецензируемых произведений, автор обзоров журналистики «С.-Петербургских ведомостей» передает только их содержание, не давая им оценки. Так, подчеркнув высокое достоинство «Рыбаков» Григоровича, он пишет: «Кому содержание романа Григоровича казалось неинтересным, тот может в X номере „Современника“ прочесть повесть г. Толстого „Три возраста“».

Такой прием при оценке художественных произведений свойствен критическим выступлениям Чернышевского этого периода. Так,

пересказ содержания произведения Воскресенского «Запрет на имя — быть, очень похожая на сказку» заканчивается фразой: «Охотники до дюма-совских романов прочтут с удовольствием сказку г. Воскресенского». Кажется, что Чернышевский относится к ней вполне терпимо. Однако если при этом вспомнить отрицательное отношение Чернышевского к Дюма, произведения которого он неоднократно квалифицировал как «пустую болтовню», то и подлинное отношение его к пустынькой повести Воскресенского становится очевидным.

В трех интересующих нас обзорах журналистики «С.-Петербургских ведомостей» по существу проводится мысль, которую высказал Чернышевский в это же время в своей диссертации «Эстетические отношения искусства к действительности»: «Содержание, достойное внимания мыслящего человека, одно только в состоянии избавить искусство от упрека, будто бы оно — пустая забава, чем оно и действительно бывает чрезвычайно часто; художественная форма не спасет от презрения или сострадательной улыбки произведение искусства, если оно важностью своей идеи не в состоянии дать ответа на вопрос: „Да стоило ли трудиться над подобными пустяками?“ Беспольное не имеет права на уважение» (II, 79).

Изучая обзоры из «С.-Петербургских ведомостей», мы получаем теперь более полное представление о начальном периоде литературной деятельности Чернышевского. Эти обзоры являются яркой и убедительной характеристикой разносторонности, энциклопедичности молодого Чернышевского, столь свойственной дальнейшей его деятельности.

Естественно поставить вопрос, продолжал ли Чернышевский участвовать в «С.-Петербургских ведомостях» в дальнейшем, или же на этом его сотрудничество в газете прекратилось. Ознакомление с последующими обзорами русской журналистики «С.-Петербургских ведомостей» вызывает мысль, что Чернышевский был автором обзоров и в 1854 и начале 1855 г. Однако этот вопрос требует специального исследования, которому мы надеемся посвятить особую статью.